

На Амуре

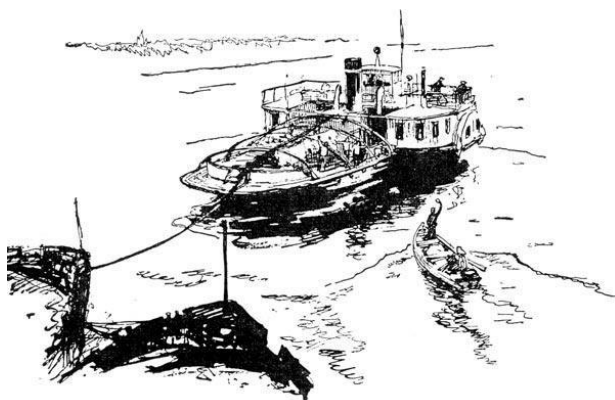
Биробиджанер Штерн

ДОБИН Гирш Израилевич (род. в 1905 г. в мест. Жлобин Рогачевского уезда Могилевской губ. – умер в 2001 г. в гор. Рош-ле-Цион, Израиль), прозаик.

В конце 1926 г. приехал в Харьков, был членом литературного кружка «Юнгер бойкланг» при газете «Юнге гвардие». С 1928 г. Добин стал печататься в еврейских периодических изданиях. В 1931 году выпустил в Харькове первую книгу рассказов «Арум мил» («Вокруг мельницы»). В 1932 г. переехал с семьей в Биробиджан, где работал в редакции газеты «Биробиджанер штерн» и в областном радиокомитете. С тех пор главной темой его творчества стала жизнь еврейских переселенцев. Этой теме посвящены произведения писателя в сборниках «Бам Амур» («На Амуре», 1935 г.), «Цвишн бинштокн» («Среди ульев», 1941 г.). С марта 1940 г. писатель работал в республиканской газете «Октябрь» в Минске. Когда город оккупировали немцы, Добин был заключен в гетто. В марте 1942-го ушел в партизанский отряд, в котором сражался до освобождения Белоруссии. Об этом его первая послевоенная книга рассказов «Ойф вайсрусишер эрд» («На белорусской земле»), вышедшая в Москве в 1947 г., куда Добин переехал вскоре после окончания войны. В 1969 г. издательство «Советский писатель» выпустило книгу Добина «Дер коех фун лебн» («Сила жизни»), куда вошли роман и рассказы, посвященные движению сопротивления в гетто и партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны. С 1992 г. Гирш Добин проживал в Израиле.

Фото: samlib.ru

На Амуре

Пароход дал резкий гудок и отошел от берега. Громкий звук гудка долетел до дальних гор и через секунду-две вернулся оттуда протяжным эхом. Здесь же, на берегу, осталась стоять кучка людей с мешками, узлами и баулами. Растерянные и даже испуганные люди эти опасливо вглядывались в утренний туман, покрывший заросшую лесом возвышенность, потерявшуюся за деревьями дорогу и несколько едва различимых отсюда домиков поодаль. В утреннем тумане четко можно было разглядеть разве что набегающие на серые камни берега холодные волны. Груды этих камней сейчас можно легко принять за морду припавшего к воде какого-то гигантского фантастического чудовища. Лежит оно и, настороженное, чего-то ждет...

Первым из тех, кто только что высадился на берег, сдвинулся с места Йойна Либес, хмуроватый молчун, который, как кажется, зол в этот час на все и вся, с предельной ясностью осознав, что человек, не так давно расписывавший ему, Либесу, чуть ли не райские места на берегах Амура и роскошную жизнь в этих местах, попросту его надул.

– Цалька, Рохэ, Лейба! – громко окликнул Йойна ребяташек, уже таки успевших незаметно оторваться от группы взрослых и только что исчезнувших из виду где-то вблизи домов у дороги. На требовательный окрик Либеса не отозвался никто, а, вслушавшись, он отчетливо различил в тишине, как стучит зубами от холода пожилая женщина рядом. Свежестью – нет, даже холодом – дышит это раннее утро.

Через минуту-другую со стороны жилья до слуха стоявших донеслась звонкая переключка детских голосов. «Вот же сорванцы! А то если что, поди-ка поищи их тут, – отлегло у Йойны от сердца. – Ну такое чужое все тут кругом!» Его, Либеса, еще в поезде, когда ехали сюда, не раз донимала одна и та же тревожная мысль: туда ли их везут? Если и правда, как пошутил кто-то, на самый край земли, то где он, этот край?.. Ведь не на километры, не на версты, а – подумать только! – на недели счет дороге шел...

Сейчас он окончательно успокоился только тогда, когда увидел детей, возвращающихся из «этого леса» в сопровождении нескольких взрослых, один из которых толкал перед собой ручную тележку. Впереди всех вышагивал высокий плечистый парень в армейской гимнастерке со следами споротых петлиц.

– Я председатель колхоза Иосиф Партман, – представился он вновь прибывшим. – Доброго вам утра, товарищи!

Нестройно ответив на приветствие, прибывшие товарищи тут же плотно обступили главного среди встречающих.

В это самое время верховой, пастух, по виду подросток, прогонял мимо десятка два коров, и в чистом утреннем воздухе почувствовался характерный запах коровьего стада –

что-то вроде смеси запаха парного молока и свежего навоза. Ну и как тут было нашим путешественникам сразу не вспомнить о том, что им обещали там, на другом конце страны? Так что на колхозного председателя градом посыпались вопросы:

– А когда уже и нам дадут коров?

– И свинок?

– А кур тут у вас мы получим?

Партман отвечает на все эти вопросы уже заметно охрипшим голосом. Видите ли, в чем тут дело: за время своего председательства ему уже не раз и не два приходилось встречать очередную партию переселенцев и начинать беседы с ними именно с ответов на точно такие же их вопросы к нему, попутно успокаивая или даже урезонивая не в меру требовательных «пришельцев». И сейчас он прямо-таки заученными и к тому же по несколько раз повторяемыми фразами отвечает:

– Да все вам дадут. Все вы все в свое время получите. Но сначала, дорогие товарищи, вам нужно захотеть быть здесь людьми полезными. И захотеть, и доказать это. Здесь так и только так!

– А если у меня своего хозяйства не будет, то мне тут у вас и делать нечего. Чтоб у меня хотя бы стакана молока не было... Ну уж нет! – прокричала рыжая бабенка с подвязанной щекой.

Бузи, рослый и тоже рыжеволосый паренек, ловко укладывает на тележку мешки и узлы приехавших, чему-то улыбается про себя. Бузи уже четыре месяца здесь. Бузи смотрит на любительницу молока и, стараясь говорить как можно спокойнее, произносит (хотя как бы ему хотелось выговорить ей все, что он думает о таких «хозяйственных» людях, как эта перевязанная!):

– Ладно, молочко мы все любим, а вот за что тем коровкам в кормушку положить, не все хотят голову ломать да спину гнуть.

– Оно-то так. Но чтобы под открытым небом, то есть на поле и на лугу да еще и не по часам, а по солнцу работать, кушать обязательно хорошо надо, – слышится реплика из группы встреченных.

– Ша, евреи! – подал голос Йойна Либес. – Мы ж только-только с парохода. И кто на что здесь годится, еще неизвестно. Сегодня-то чем заниматься?

Между тем над каемкой дальних сопок взошло и омыло свое отражение в речной воде солнце нового дня. И хотя сельскую улицу оно еще не осветило, на ней четко видны следы босых ног, оставленные женщинами, которые только что прошли здесь на ближнее поле на прополку. От края села, где уже действует небольшая кузница, разносятся звонкие удары молота, слышные, наверное, даже на другом берегу реки.

Бузи, выкликнув по списку две-три фамилии прибывших, разводит их по колхозным хатам. Тем часом остальные оживленно обсуждают...

Впрочем, тон разговорам задают женщины, так что темы бесед и определить будет не так-то просто. Вот кто-то передает случившимся на улице местным привет с Украины, кто-то рассказывает о Белоруссии. Увидев из окна приезжих, к ним, в спешке забыв заправить в брюки рубаху и одной рукой придерживая штаны, подбегает высокий мужчина. Люди смеются, а он, очевидно, не понимая причины этого их смеха, громко обращается к стоящим:

– Не смейтесь, евреи! Лучше пойдете со мной, кто хочет, и я покажу вам, как здесь устраиваются настоящие переселенцы.

С этими словами он хватается за рукав Йойну, но тот демонстративно отворачивается, словно не заметив столь настойчивого «приглашения». Он вообще не любит ни хвастунов, ни зазнаек. Может статься, оттого, что у самого у него как-то не находилось в жизни причин для хвастовства или зазнайства. Убедившись в том, что этот неулыбчивый мужик его приглашение отверг, «настоящий переселенец» хватается за руку стоящую к нему ближе всех ту крикливую рыжую особу и увлекает ее за собой. К паре этой присоединяются еще несколько любопытных. «Настоящий» на ходу громко объясняет спутницам:

– Я сегодня только под утро с мельницы домой приехал. Ну и прилег на часок отдохнуть. Слышу, переселенцы приехали, – с широкой улыбкой на скуластом бритом лице рассказывает колхозник. – А сам-то я только четыре месяца, как здесь. Не лентяй. Огород уже себе разработал, две свинки у меня растут, курей нынче думаю завести, – тараторит он, обводя взглядом лица приглашенных: как я, мол, вам, а? И, не делая пауз, продолжает:

– Самому-то мне вот уже сорок, но – так уж получилось – один живу. А до того, как я сюда, значит, поехать решил, кустарем-одиночкой опять же у себя в Звенигородке числился. Ну а перед отправкой сюда я так и сказал своим друзьям-знакомым: «Вы не смотрите, что я все один да один. Я и в коллективе прекрасно работать могу». Конечно, здесь, в Биро-Биджане все-все иначе, чем на той Украине. Я там этих коров да лошадей далеко стороной обходил, а теперь я колхозник, советский крестьянин, значит...

Хозяин подворья ведет приглашенных в огород. По пути, наклонившись, срывает с мокрой от росы грядки несколько огурцов и, полюбовавшись ими, угощает гостей. Потом он подводит «экскурсантов» к сарайчику, где похрюкивают два поросенка, предлагает желающим, на крыльце извинившись перед ними за неубранную постель, осмотреть собственное жильё изнутри.

Партман все это время улыбаясь стоит в сторонке: как раз так и принято в его колхозе встречать каждую новую группу переселенцев...

Йойна Либес не стал заходить в избу гостеприимного колхозника. И даже в его огород не пошел. Что, он сам, что ль, не знает, что ему будут тут говорить да о чем рассказывать? Он и так видит, что земли здесь богатые: нигде и места не найдешь, где бы что-то не росло. Так что ему с семьей в селе тяжело не будет. Если, например, коровенку держать да пару поросят тоже прикупить... Жинка будет дома сидеть (ну не просто сидеть, конечно же!), а сам он способен работать так, что не всякому молодому за ним угнаться. Нишкше, у него еще хватит сил переломить судьбу и выкарабкаться из нужды, с которой ему

пришлось уживаться не год и не два, но тактаки и не выбиться из нее. Хотя постоянно приходилось то вкалывать, высунув язык, то выкручиваться так, что впору в три узла завязаться. А иначе-то для чего и зачем ему было с его-то семьей срываться с места и ехать в немыслимую эту даль?..

От невеселых размышлений Либеса отвлек хрипловатый басок председателя Партмана, вместе с несколькими переселенцами покидавшего подворье того, «настоящего», хозяина огуречных грядок и поросят. Голос Партмана, спокойный и уверенный, обладал способностью заставляющих окружающих прислушиваться, вникать в самую суть председательских слов, вселять в людей спокойствие и уверенность. И неспроста именно в эту минуту Йойна Либес, неожиданно для себя, казалось, вдруг напрочь отрешившись от дорожной усталости, ясно ощутил в себе легкость и неосознаваемый душевный подъем. «Все будет хорошо!» – четко отпечаталось в мыслях.

– Трудиться... Трудиться много и честно... И будет все как надо, – подумал, нет, даже не просто подумал, а в полголоса произнес Йойна.

...Утром его разбудили дети. Он еще раз осмотрелся в комнатах, прошелся по двору, выглянул в проулок, снова вернулся в дом, и все это время его не оставляло желание сказать детям нечто важное. Но это самое нечто ему ясно и четко сформулировать, передать словами все как-то не удавалось. И только немного погодя, уже по дороге в колхозную контору в надежде застать там Партмана, у него как бы само собой это важное сложилось и выговорилось:

– Дети, до сих пор мы привыкали и таки привыкли что-то терять. Удача постоянно поворачивалась к нам левым боком, а то и спиной. И что нам остается здесь, на новом месте? Работать и за работу что-то получать. Пусть и не так много. Но разве для человека может быть что-то дороже того, что он заслужил и приобрел ценой собственного труда? Вот об этом вам и помнить надо!..

2

Как только Йойна с детьми вышел от Партмана, в комнатку председателя вошел коротко стриженный парень – куртка, переброшенная через плечо, полосатая майка-тельняшка, руки в карманах. Ни слова не говоря, посетитель закинул на край председательского стола ногу в рваном ботинке...

– Гляди, начальник, в чем хожу. Не будет обуви – на работу меня не жди.

Партман, понятно, единственный свидетель необычной сценки, при этом даже бровью не повел. Окинув взглядом мускулистые руки посетителя, украшенные татуировкой, он решительным жестом приказал тому снять ногу со стола. Ну а поскольку разговор о работе, то председателю тут есть о чем сказать.

– О, а нам тут как раз такие, как ты, крепкие хлопцы, на сенокосе нужны.

– Что?! – привскочил с табурета парень. – И шо я на том вашем сенокосе забыл? Да ты знаешь, кто перед тобой?..

Партман здесь, так скажем, уже ко всему привык. Однажды, когда он был еще в Биробиджане, ему пришлось иметь дело с пареньком из только что прибывших переселенцев с Украины, который требовал, чтобы его направили здесь на работу в... трамвайный парк.

– Товарищ дорогой, – пытались втолковать человеку в переселенотделе. – Ну не можем мы тебя никак в этот самый парк распределить. Да ты только кругом-то оглядись...

Однако тот упрямо стоял на своем и, то краснея, то бледнея, переходил на крик:

– Знать ничего не хочу! В Елисаветграде*, в ОЗЕТе, мне твердо обещали: «Хочешь вагоновожатым быть? Вот и поезжай в Биробиджан». Так что давайте не морочьте мне тут голову и отписывайте меня в трамвайчики.

Вот и думай теперь, что делать с людьми, которые верят всяческим обещаниям...

Партман внимательно смотрит на парня в полосатой майке и думает: «Вот бы кто, будь он мне только здоровым, стал бы добрым подспорьем там, на сенокосе. Вот только как этого млодца заставить захотеть там поработать? Ну да ладно. Этот в тельняшке тоже ведь еще не знает, что за человек сейчас перед ним сидит. Он, Иосиф Партман, и не к таким малым подходы умеет найти».

На лугу, где идет заготовка сена, работает полтора десятка человек, если не считать мальчишку, среднего сына Йойны Либеса. В бригаде сенокосчиков трудится Завл Лифшиц, высокий смуглый еврей, молчаливый и всегда сосредоточенно серьезный. Может, потому и делает за день столько, сколько и пятерым не поспеть. И когда, случается, кто-нибудь из косарей – скорее, из зависти – пытается пошутить по поводу его замкнутости и обособленности, Лифшиц окинет шутника своими косыми глазами, плюнет себе под ноги и громко выругается. Впрочем, человек он по натуре отходчивый и зла ни на кого не держит. Здесь же мы видим знакомого нам «настоящего» переселенца и рыжего Бузи, на удивление шустрого парнишку, недавно вступившего в комсомол. В должности бригадира на артельном сенокосе состоит Рувим Пейсахович, тихий человечек, который в недавнее время в местечке своем сапожничал и здесь, на сеноуборке, манерой и поведением своим никак не производит впечатления руководителя.

Когда на сенокосном стане появился уже знакомый нам парень в матросской тельняшке (предколхоза таки сумел заставить этого одессита захотеть поработать «на сене»), бригада обедала. Поздоровавшись, новенький молча подошел к Цалику Либесу, бесцеремонно взял у него из руки ложку и, помешав ею в миске, зачерпнул из нее варево и попробовал его на вкус. Недовольно поморщившись, новичок с начальственным видом направился к поварихе:

– И почему у вас такой жидкий суп, скажите мне?

Повариха Хая, довольно пожилая полная женщина с бельмом на правом глазу, сразу ничего в ответ не произнесла: она и сама переживает то, что продуктов на кухне почти не остается и еще неизвестно, когда их привезут. Объявись на стане Партман, она бы уж точно нашла, что ему сказать... А тут еще этот соль на рану сыплет! Хая в прежнее время не один год у одного известного в их округе богатея кулинаркой служила и любое блюдо вам приготовит – пальчики оближешь, а тут – на тебе! – сейчас и на ту затируху у нее муки в обрез.

– «Почему у вас такой жидкий суп, скажите мне?» – забавно передразнила самодеятельного «инспектора» повариха. – А с какого такого квасу я перед тобой, голубь ты мой, отчитываться должна? – подбоченившись, произнесла она встречный вопрос, придав ему настолько угрожающую интонацию, что «голубь» невольно попятился и, плюнув под ноги, отошел к обеденному столу, решив, наконец, «доложиться» бригадиру.

Бригадир Пейсахович – сутуловатый с исхудавшим, давно небритым лицом и с длинными, не по росту руками мужичок. И если бы не эти сильные с мозолистыми ладонями руки и трудолюбие их обладателя, по виду этого человека за него и печеной луковицы никто бы не дал. Кажется, гаркни на такого погромче – помрет. Вот и сейчас, заслышав властный голос незнакомца, Пейсахович решил, что на стан сенозаготовителей опять появился с проверкой уполномоченный из района, и потихоньку, незаметно для всех куда-то исчез. Рувим этот, надо сказать, вообще человек со странностями. Сейчас он ни днем ни ночью с полевого стана ни ногой, живет здесь как у себя дома (потому-то, видно, бывшего сапожника Партман и старшим на сенокосе назначил), хотя в селе у Пейсаховича – жена с ребенком...

Вместо бригадира одессита «принял» Бузи:

– Слушай, товарищ, – твердо, стараясь говорить спокойно, обратился к парню в тельняшке Бузи. – Хватит уже! Хватит тут строить из себя неизвестно кого.

*Так этот город назывался до 1924 года, а потом был переименован в Зиновьевск в честь советского политического деятеля Г. Е. Зиновьева, уроженца Елисаветграда. Зиновьев позже оказался «врагом народа» и был расстрелян. По этой причине в декабре 1934 года «ошибку» с названием города пришлось исправлять, и до начала 1939 года он стал именоваться топонимом «Кирово», а после этого – уже Кировоградом. Автор повести «На Амуре» Г. Добин, следуя предписаниям политической цензуры, не мог позволить своему герою назвать Зиновьевск Зиновьевском и потому его устами воспроизвел в тексте старое на

Парень принял это замечание как дерзкий вызов: кто это, мол, посмел говорить с ним в таком тоне? И, с пренебрежением оглядев далеко не внушительную фигуру Бузи, выразительно повел плечами: не хочет ли, дескать, этот заморыш помериться с ним силами? Да он таких одной левой «делает»!..

Бузи, оценив ситуацию и глядя бесцеремонному типу прямо в глаза, снисходительно улыбнулся. Так, как будто видит сейчас перед собой расшалившегося ребенка. Бузи знает, что прием такой всегда действует безотказно и способен охладить любого скандалиста.

...День близится к концу, но работа на лугу кипит. Завл на длинной веревке подвозит к заметно растущему стогу копны (лошадь Лифшиц водит на поводу). Остальные – кто с вилами, кто с граблями – трудятся возле самого стога. Наиболее крепкие мужчины, вооруженные длинными деревянными вилами-трехрожками, одну за одной поддевают ими добрые охапки сена и забрасывают его на верх зарода (этим словом сибиряки

называют стог) – «мечут», как здесь говорят. Наверху с граблями в руках сено принимают и старательно утаптывают его Бузи и одессит. А высоко-высоко над их головами, в зените чуть придымленного легкими перистыми облаками неба, парит коршун. Птица как будто вовсе не двигает крыльями и, кажется, остановившись на одном месте, с любопытством наблюдает за тем, что делают люди там внизу, на земле. Здесь они мечут сено, а поодаль, за поросшей дубняком релкой, медленно ползает по краю черной полосы – распахивает целину – трактор. Справа, тоже по краю, но уже густо-зеленой, луговины движется пароконная сенокосилка, на железном сиденье которой с вожжами в одной руке и кнутом в другой вниз-вверх покачивается Йойна Либес. Треск сенокосилки сливается с гулом тракторного мотора и, то приближаясь, то отдаляясь, разносится по предвечерней равнине.

Хотя багровеющее солнце уже готово коснуться волнистой ленты дальних сопок, душная полдневная жара так и не хочет спадать. В то же время все окружающее постепенно меняет краски, и от этого очертания предметов становятся как будто иными. Медленно удлиняясь и обещая прохладу, поползли по земле тени. И люди, кажется, только в этот час с предельной ясностью ощущают тяжесть уходящего дня. Ведь заготовка сена – это непрерывное физическое напряжение, соленый пот, заливающий глаза, постоянная жажда и не знающая пощады жара... Но разве не это палящее солнце – главный-то помощник сенозаготовителей? Так что наступлению каждого знойного дня им сейчас только радоваться. Радоваться так же, как и окончанию этого дня. Ведь отдых от тяжелого труда для человека иных наград дороже. Жаль, не всякому это понимать дано. Вот полюбуйтесь: одессит, только спустившийся с верхушки стога и с силой отшвырнув от себя грабли, с налитым гневной краснотой лицом набрасывается на бригадира:

– Слушай, ты! Если ты думаешь, что я тут буду батрачить на этом вашем сенокосе, то видал я его вместе с тобой знаешь где!? Проехать десять тыщ километров, чтобы здесь вот это иметь? – сделал одессит выразительный жест. – Да пошли вы все...

У Рувима от одессита уже голова кругом идет. Хотя его, бригадира, в скандальных перепалках с этим татуированным всегда поддерживает Бузи, да и все остальные как будто тоже на стороне Пейсаховича. Но поди-ка угомони буяна... Но на сей раз, видать, уже допекло мужика, и он подался в поселок к Партману.

– Что он от меня хочет? Чего он ко мне все время цепляется? – чуть не со слезами выкрикивал Рувим, встретив предколхоза на крыльце конторы. – Снимите уже меня с этого бригадирства, товарищ Партман, я вас прошу. Ведь сколько он может мне морочить голову? Сил моих уже с ним никаких нет, – как заведенный причитал Пейсахович.

Партман со спокойной улыбкой останавливает его:

– Кто, что – я не пойму. О ком речь?

– Да про одессита я...

– А, про этого... – сбавил тон председатель. – Могу понять, – невольно потянувшись рукой к затылку, проговорил он и, помолчав, спросил: – Ну так и что ты от меня-то хочешь?

– Снимайте меня – вот что.

– Да ты погоди-погоди с этим. Снимайте его, понимаешь, – нахмурился Партман. – Меня тоже, выходит, надо снимать? Или ты думаешь мне тут с вами такими легко?..

Но, так или иначе, происходящее заставляет председателя задуматься. Он думает, и лицо его заметно мрачнеет. Ясно, что конфликт в бригаде кормозаготовителей ничего

хорошего не сулит, и ему, председателю, надо что-то решать. Ох уж этот одессит! Молодой, сложением – богатырь. Будь у него желание работать – горы свернет. А если не захочет, так ведь, глядя на него, и остальные в бригаде особо напрягаться не будут. Вон Цалик этот, паренек из новеньких, одесситу тому прямо в рот смотрит. Пейсахович, конечно, тот еще руководитель, и он, Партман, хоть сегодня готов его сменить. Только кого на его место поставишь? Лифшица? Слов нет: Залман, все знают, работяга, каких еще поискать надо, но уж больно прост. Да и молчун такой, что слова из него не вытянешь. Ну и, как уже замечено, под себя не прочь подгрести. Пожалуй, потому-то и «пашет» другим на зависть. Поразмыслив, Партман приходит к выводу, что подходящих кандидатов на место их бригадира среди сенокосчиков нет, и неожиданно для себя решает, что возглавит коллектив кормозаготовителей лично сам. В конце концов, сенокос – дело временное.

3

Ранним утром высокие травы гнутся под тяжестью росы, и только что взошедшее солнце стелет по равнине длинные тени деревьев и кустов. И если бы не просыпающиеся в этот час птицы, то может показаться, что весь мир объят сторожкой тишиной. Словно все вокруг свидетельствует: рядом – граница...

Точно в такое же утро начался на колхозном лугу первый рабочий день Йойны Либеса. Бригадир-полевод, местный старожил, русский, человек, по всему, добродушный, с открытым лицом, подвел Либеса к сенокосилке, не торопясь («Гляди, паря, да запоминай хорошенько, что за чем») впряг в нее двух лошадей, проехался с опущенным брусом косарки по краю поляны и, передав Йойне вожжи, ускакал на своем кауром по делам, которых у него в горячую летнюю пору и перечеть будет непросто.

Оставшись возле машины, Йойна еще раз – и тоже не спеша – внимательно все осмотрел и сделал вывод, что предложенная ему полеводом работа будет ему вполне по силам. И когда Либес, взгромоздившись на дырчатое металлическое сиденье косилки, с опущенным и застрекотавшим брусом, въехал в траву, тут же покорно выстлавшуюся по земле, он ощутил в себе удовлетворение, можно сказать даже гордость человека, которому доверили вот этих двух сильных лошадей и машину, способную заменить собой целую бригаду косарей. Однако ж никому, даже брату родному, Йойна никогда не расскажет и не признается, какую робость – нет, даже настоящий страх – ощутил он в глубине души перед предстоящим для него в тот день испытанием – испытанием делом, совершенно ему незнакомым. В общем, несколько седых волос в его густой шевелюре в то утро таки прибавилось...

Косилка плавно движется по луговине. Травы здесь высотой едва ли не в человеческий рост плотной стеной стоят. Временами начинает казаться, что весь мир – это только трава да синее небо над ней. Правда, Йойне Либесу сейчас не до пейзажных красот. Он то и дело поторапливает лошадей: ему почему-то все кажется, что слишком медленно движется его машина. Может это оттого, что непомерно велик, просто необъятен в сравнении с упряжкой Либеса зеленый – от горизонта до горизонта – океан трав...

Идут часы. Солнце перевалило уже за полдень, но все так же монотонно стрекочет косилка, с каждым кругом делая все шире светлую полосу кошенины. Уже и притомившиеся лошади сами по себе стали останавливаться чуть ли не через каждую сотню метров. Рубаха на Йойне – хоть выжимай, уставшее тело все ощутимее наливается вязкой тяжестью. И тут – хотя, понятно, что не очень-то и охотно – Либесу приходится признать: ну нет у него привычки к такому прямо-таки изматывающему однообразию в работе да еще и под немилосердно-жгучим июньским солнцем. И, оглядевшись вокруг (не

подслушивает ли его здесь кто-нибудь), Йойна со вздохом сообщает об этом... лошадям. Вот так сложился у него первый день работы на колхозном сенокосе. Однако до сих пор помнится ему и другое – радость, которую он испытал в конце того трудного дня, когда он окинул глазами солидную площадь чисто «выстриженного» им луга.

...Сейчас уже весь этот луг до самой низины выкошен, сено, убранный с него, сложено в стога. А дальше, в низине – за непроходимыми зарослями тальника, камышей и осоки – виднеется озерцо, облюбованное выводком диких уток, а если подойти к воде ближе, то из травы обязательно выпорхнет расцветенный всеми цветами радуги фазан.

Йойна уже знает, что поить разгоряченную работой лошадь ни в коем случае нельзя – надо подождать, пока она остынет. И сейчас, в середине дня, освободив своих работяг от упряжки, он отдыхает на отлогом спуске к озерцу и сам. Отдыхает вместе с молодым пегим жеребчиком в тени дерева, держа лошадь в поводу. Над лугом звенит тягучий хор кузнечиков, в ближних кустах на разные голоса перекликаются птицы, басовито гудят пауты. Лошадь, отпугивая назойливых насекомых, встряхивает головой, переступает всеми четырьмя ногами, машет хвостом и, отфыркнувшись, тянется мордой к человеку. Йойна, нащупав в кармане сухарь, протягивает его на раскрытой ладони пегому. Тот с удовольствием прихватывает подачку влажными губами и, хрустнув сухарем, издает негромкое ржание. Очевидно, в знак благодарности. Йойна гладит жеребца по шее, похлопывает его по влажной от пота спине. Либесу подчас кажется, – да нет, он это прямо-таки чувствует, – что лошади его – не просто тягловая сила, а вполне себе разумные существа и как будто даже понимают, что вот здесь, на лугу, они делают с ним одно и, несомненно, важное дело. Ну да ведь не только для него, они еще и для самих себя стараются...

Размышления Йойны прервал полуденный «набат»: издали, со стороны стана кормозаготовителей доносятся звонкие удары по обрезку подвешенного рельса – сигнал на обед. До табора отсюда недалеко, и Либес, сняв с пегого хомут со шлеей, решает ехать к стану верхом. Решать и решить – одно, а вот осуществить такое намерение ему до сих пор удавалось непросто. Для него всего лишь сесть на неоседланную лошадь и то сложно. А лошади эти – надо ж так! – ведь определенно чувствуют настрой человека: чуть только ты в обращении с ними почувствовал неуверенность, они начинают тебе голову морочить – нором свой показывать. Вроде как играют с тобой: ты к лошади – а она уже задом к тебе повернулась, тебе ее взнуздать надо – она от уздечки уворачивается... Но вот Йойна сидит на своем пегом верхом. Конь идет крупным шагом (рысью верхом без седла не ездят), все как надо, хотя и... Ну да стоит ли об этом говорить?.. Но вот неожиданность: когда Либес таки вполне благополучно прибыл на стан, его Пегаш чего-то вдруг испугался и с храпом резко шархнул в сторону. Да так, что чуть было не сбросил всадника прямо в костер посреди двора. К счастью, все обошлось без печальных последствий: незадачливый всадник успел соскочить на землю, устоять на ногах, сумев даже повод в руке удержать. И хоть заметно побледнел, но на лице – улыбка: пустяк, мол,

бывает, ничего страшного. Привязав коня, Либес садится за обеденный стол рядом с Цалькой и слышит от него:

– Верхом на лошадях ездить – для мужика дело хорошее. Но ты же сам видишь, чем все обернуться-то может. Так что смотри поосторожней уж будь.

Йойна окидывает сына удивленным взглядом: ты погляди на него, какой серьезный. Растет, взрослеет хлопец.

4

Дожди как будто прекратились, и вчера вечером с наступлением темноты на небо высыпало столько звезд, сколько их, наверное, только здесь, в Биро-Биджане, и увидишь.

Но вот ведь как оно в этих краях: утром проснулись люди – и надо же! – дождь шумит. Добро бы гроза откуда-то из-за сопок сорвалась, а то ведь ни молний тебе, ни грома. Мокрые лошади у стенки навеса сгрудились, люди под навесом на нарах лежат. Все ждут, когда уже лить перестанет. Повариха Хая на чем свет погоду честит: это прямо каким-то волшебником тут надо быть, чтобы костер под казаном развести – ведь сухой щепочки не найдешь...

А летнее солнце с людьми словно поиграть надумало: час-другой – и, смотришь, заблестели под его яркими лучами луга и перелески. Сразу становится жарко и душно. Кажется, даже от дальних сопок исходит парне тепло... Ну а ближе к полудню можно снова приступать к работе. И таки приступали. Однако, как оказывалось – ненадолго: к вечеру, глядь, уже снова закапало-заморосило. Вот так, между двумя дождями – только что прошедшим и приближающимся – колхозники, торопясь, и готовили сено. Считаю, целую декаду так. Но ж разве могли они в таких условиях успеть сгрести и не застоговать, а хотя бы в копны сложить то, что было уже скошено? Бригадир-полевод в эти дни с утра до вечера носился по делам на своей Каурке туда-сюда, нещадно погоняя лошадь так, будто она виновата в капризах погоды. Но что тут поделаешь? Так и пошла насмарку работа Йойны Либеса за последние пожалуй что два, если не три дня. Эх, если б ему наперед про то знать! Он-то как считал? Чем больше травы скосишь, тем оно и лучше. Что в этом плохого? Но, видно, справедливо гласит пословица «Хорошо – это когда всем хорошо. Да только так никогда не бывает». Выходит, зря наш машинист-косильщик и лошадей, и себя все время подгонял-торопил. А он, между прочим, с Партманом соревновался (председатель дня четыре лично сам сенокосной бригадой руководил). И обернулась ударная работа косильщиков только делу во вред: погниет на прокосах трава... Задумался Йойна, сообразил: заготовка сена в колхозе – это, получается, совсем не то, что работа где-нибудь в старом местечке, где всяк за себя и для себя старался. Тут другое, тут бригада, где человек и о других думать должен. Правда, ему, Либесу, всегда было интересно, как идут дела у тех, кому он возможность работы обеспечивает. Бывает, остановится, понаблюдает издали за тем, как люди сгребают готовое сено, в копны его складывают, и улыбнется довольно: все идет хорошо, все как надо...

Только «все как надо», по ходкому присловью местных казаков, «долго не живет». Все началось с того, что Завл Лифшиц, тот самый работяга и молчун, над которым народ в бригаде подшучивать любит, однажды за обедом так разозлился да расхотелся, что хотел было свою миску поварихе Хае на голову надеть. Та, видите ли, его – как он решил, ну конечно же, умышенно – похлебкой обделила. Хая в ответ на поведение «этого косоглазого» такими словечками его обложила, что... В общем, сами понимаете. Скандалистов попытался было урезонить Бузи, но в нежданно вспыхнувшую ссору тут же вмешался одессит, который, перейдя на русский, начал орать как резаный:

– Вот он, Биробиджан этот ваш! Здесь людей голодом морят! Нет, мы не дадим над людьми издеваться, не позволим! Так и знайте...

В ответ с дальнего края стола прозвучал басовитый окрик:

– Мэшугэнэр! С чего ты-то тут разошелся? Тебя-то кто трогает? Все ж едят, а он тут шум поднимает.

– А мы будем шуметь! – вскочив из-за стола, визгливо затараторила рыжая бабенка с подвязанной щекой. – Хотим кушать как люди! Чтоб я за такую еду пуп надрывала... Ведь помои помоями, – выплеснула она при этих словах из чашки прямо на стол остатки супа, в гневе сорвала с лица платок, всегда скрывавший почти половину ее лица, и все увидели донельзя густо покрытую безобразными прыщами левую щеку этой особы.

Йойна, человек по натуре скромный, наблюдал за происходящим молча. Он одного только опасался: не дай-то Б-г, в громкую словесную перепалку вяжется его Цалька. И когда он увидел, что сын сидит за столом как и сидел, успокоился. И правда: чего это им, Либесам, встревать в чьи-то споры да раздоры? Сам он, Йойна, здесь, чтобы работать, то есть траву косить. Вот косить он и будет, а все остальное – не его дело. И встав из-за стола, Либес направляется к изгороди, где его терпеливо ждет привязанный за повод уздечки пегий жеребчик.

...Непогода, кажется, отступила, над равниной снова засияло яркое июльское солнце – знай себе готовь сено! Занятый делом с раннего утра до закатного часа Йойна как-то уже и забыл о том «обеденном» конфликте на луговом стане. Да и возле стога, где вместе со всеми работает его Цалик, дело как будто спорится. Все заняты, все дружно трудятся.

Было далеко за полдень, когда Либес за стрекотом своей косилки различил непривычный звук. Это «американка» колхозного председателя Партмана, который и его, Либеса, решил попроведать, а перед этим Йойна заметил председательский «фордик» возле растущего стога, где Партман, энергично жестикулируя, о чем-то говорил обступившим его сенокосчикам. Говорил, судя по всему, довольно громко. Ну а о чем там шла речь, отсюда разве расслышишь?

Рисунок Владислава Цана

К Либесу же Йосиф Партман подъехал, чтобы узнать и о его намерениях относительно работы. Там, у стога, люди ему объявили: не будет, мол, нормальной кормежки – вот эти последние копны в стог уложим и все, баста, никакой тебе работы... Либес, услышав сейчас об этом от Партмана, только плечами пожал: я-то, дескать, тут причем? Я про все то, как говорят, ни сном, ни духом... Сам же видишь, товарищ

председатель, работаю. А иначе для чего и зачем я здесь? И словно решив окончательно убедить Партмана в собственной правоте, тронул косилку с места, поторопив лошадей щелчком кнута. Об одном только с тревогой думал в эти минуты Йойна: в той бригаде же его Цалька. Как он-то там себя ведет?..

Не успел Либес сделать со своей косилкой очередной круг, как перед ним, будто из травы вынырнув, выросла фигура всадника – полевого бригадира. Злой нынче бригадир, ругается бригадир, обеими руками Либесу машет – знак стоять подает. Либес вожжи на себя тянет: в чем дело? что случилось?

– Все, слышь, паря! Сёдни уж лошадок не томи. Распрягай их. Тут пушшай и попасутся.

– А что случилось?

– Дак чё случилось? Пошабашили ваши. Мясо им, кричат, подавай.

Йойна бросает взгляд в сторону незавершенного стога, где только что работали люди. Там за исключением двух-трех человек – никого, а из кучек сена и просто из земли вкривь и вкось торчат черни брошенных грабель и вил. Будто и не было на этом самом месте всего того, с чего так по-боевому начинался здесь блистающий ярким солнцем июльский день...

Выпрягая лошадей, Йойна не переставал думать о Цальке. Там, возле стога, – он это сам сейчас увидел, – его точно нет...

5

Изрядно уставший и злой Йойна домой не просто спешил, а чуть ли не бежал. Но уже перед домом, прежде чем открыть калитку, остановился: «Нет-нет! – подумал. – Крик тут делу не помощник. Надо бы как-то спокойно...».

В комнате с плотно занавешенными окнами, разметавшись на постели, мирно посапывая, спал Цалька. Мельком заглянув в полутемную комнату, Йойна с притворным удивлением окликнул жену:

– Кто это спит? Рохэ? – и с поддельным же испугом продолжил: – Господи, что это с ней? Или заболела, бедняжка?

– Какая тебе Рохэ и кто там у тебя заболел?! – отозвалась жена. – Рахилечка, пусть она мне будет здорова, еще с вечера уехала на эту... Как ее? На заимку. Там и заночевала. А вчера рубаху привозила домой постирать. Тракториста одного рубаху. Хороший парень, говорит. С головой человек, Рохл рассказывала. Он на квартиру к нам просится. Может, уже пустим?

Йойна отмахнулся: ему сейчас не до того, чтобы майсы про трактористов слушать, за дочку у них тоже все было не раз говорено-переговорено, а вот Цалька... Не ожидал, ну никак не ожидал он от парня такого. Тем более, что... В общем, в семье Либесов как-то так сложилось, что глава семейства всегда проявлял больше заботы о младшем сыне Цалике. Нет, другим детям Йойны – и старшему Лейбе, погодку Цальки, и дочке Рохл – на невнимание отца было бы грех жаловаться, но вот поди ж ты: Цалик у отца смалочку в любимчиках ходил. И хотя семье Либесов до самого отъезда сюда, на Амур, выбиться из нужды все так и не удавалось, Цалик рос здоровеньким, рос на удивление быстро и сейчас ему – статному, крепко сбитому, краснощекому пареньку – никак не дашь его четырнадцати. Хотя у Йойны навряд ли изгладится в памяти то трудное время, в которое им с супругой пришлось детей растить. Рохл та часто болела и в свои десять выглядела

этаким недокормышем не старше семи-восьми лет. Лейба, рано отданный в ученики к местечковому ковалю, с раннего утра и до сумерек пропадал в кузне и, кажется, сполна перенял манеры своего нелюдимого и вечно хмурого мастера-наставника. Так что отцу его подручного как-то не доводилось слышать добрых слов от старшего, не по возрасту серьезного сына.

Ну да ладно. Все это уже в прошлом. Но вот до такого-то как оно могло дойти? Над этим вопросом сейчас ломал голову Йойна Либес, вконец расстроенный необъяснимым и, по его мнению прямо-таки позорным поступком любимого сына, его Цалика-Цальки. Вот он. Спит себе... И что тут делать? И как тут ему, старому еврею, всю свою жизнь трудившемуся до соленого пота, даже понять такое можно? Йойна ищет и не находит слов, чтобы выразить совсем непростые чувства, переполняющие его в эти минуты. Но нет-нет, надо взять себя в руки...

– Благодать-то какая! – вдруг произносит Йойна громко, молитвенно воздев перед собою открытые ладони. – Все, что нам надо было, таки уже сделано. И сено наше в стогах, и хлеб в амбарах себе лежит.

Очнувшись ото сна, Цалька открывает глаза и недоуменно смотрит на отца. Тот уже совсем в другом тоне, но также нараспев продолжает:

– А я-то все думаю, что же у нас за праздник нынче такой.

– Вот кто хочет, тот пусть и работает, – окончательно придя в себя, недовольно бурчит Цалька.

– А кто у нас работать уже не хочет, хотел бы я знать? Лейба хочет, Рохл хочет, отец твой тоже... А вот ваша милость когда же за работу взяться пожелает? Вы уж будьте любезны сообщить нам об этом. Может, тогда и мы к вам присоединимся, а?

Сделав шаг от кровати, Йойна срывает с окна закрывавшую его мешковину, и в красноватом сиянии предзакатного солнца взору открывается поле пшеницы, которая обещает нынче колхозу добрый урожай.

– Мне что? Мне надо тебе что-то рассказывать? Или ты сам не знаешь, какой из голодного работник?.. Уеду я отсюда... Кроме твоего этого Биро-Биджана на земле и получше места есть...

До этого Йойна, хотя и не без усилий, еще держал себя в руках, но стоило ему услышать от сына это «уюду», как он буквально вскипел. С задрожавшей бородой, жестикулируя крепко сжатыми кулаками, Либес громко и горячо, словно выступая с трибуны, заговорил:

– На кого ты работаешь, Цаля? На кого работаешь ты, спрашиваю я здесь тебя? Мы все тут работаем на себя и только на себя, отвечаю тебе. Все и каждый из нас. И трудимся мы для того, чтобы хорошо питаться и хорошо жить. Мало делает для нас Партман? Может, и так. Но ведь он, ты только посмотри, бьется, как та рыба на песке. А ты? А ты – и в такой день! – лежишь...

Цалик отрешенно смотрит в потолок и молчит.

– Вставай, Цалик, и отправляйся на стан! – уже не просит, а требует Йойна. – И не смотри на этих... На этих плохих товарищей, хочу я сказать. Давай подымайся, сын!

Но Цалик и не думает вставать.

– Вставай, прошу тебя еще раз! – повторяет Йойна и в голосе его отчетливо звучит угрожающая нотка.

– Не встану и никуда не пойду!

– Ну если ты уже так... – теряет наконец остатки терпения Йойна. – А вот так ты не хочешь? – с глухим рычанием сорвав с себя ремень, заносит он его над постелью. Ловко перехватив ремень, Цалик вырывает его из руки отца, отбрасывает в угол и тут же, не успев уклониться, получает пару увесистых оплеух. Парень, однако ж, просто так сдаваться не желает. Завязывается настоящая потасовка, прекратившаяся только с появлением на сцене услышавшей крики и грохот падающих табуреток хозяйки дома.

6

Охрипlostью голоса Иосиф Партман страдает с того дня, когда в одной из схваток с белокитайцами под городом Фугдином был ранен в шею. К счастью, ранен легко. Но теперь, когда ему приходится много разговаривать (а это время с весны до осени, когда на селе, как говорят, горячая пора), голос у Партмана садится навсего. А после того, что недавно случилось на колхозном сенокосе (ну прямо как нарочно), председателю впору шепотом да знаками с людьми объясняться. Правда, когда он объезжает колхозные поля, говорить ему нужды нет. Хотя сказать Иосифу тут есть что. Вон ведь какие вызрели хлеба – сердце радуется! Только вот сердце-то радуется, а с лица председателя не сходит печать озабоченности. Оттого он и едет сейчас краем пшеничного поля по дороге, которая ведет от села напрямик к пограничной заставе. Едет в надежде одолжить у военных рыбы. Те ему, Партману, конечно, не откажут и выручат. «Выручить-то они выручат, – думает он. – Но надолго ль той рыбы хватит? Хорошо, если на неделю, а потом что?»

...Возвращаясь от пограничников, Партман поторапливает лошадь. По песчаному проселку таратайка катится легко, бесшумно и, откинувшись на плетеную из ивовых прутьев спинку повозки, можно даже немножко подремать. Правда, саврасый при этом тут же сбавляет ход, что заставляет седока очнуться и тут же вспомнить о делах неотложных. «Через пару дней, как договорено, надо будет кого-нибудь на заставу за рыбой обязательно отправить, – думает председатель. – Сейчас вон через тот заливчик проехать еще можно, а там денек, и... Амур-то прибывать начал. Оно хоть и мало-помалу, а смотри, вон те вербы уже в воде купаются». И хорошо, опять же думает Партман, что на заставе он не стал никому про «забастовку» в колхозе рассказывать. «Хотя... Да нет... Как-нибудь уж сами со всем этим разберемся. Так или иначе, выход в любом случае найдем», – решительно заключает он...

Подъехав к дому, Партман передал лошадь с тележкой-двуколкой поджидавшему его конюху Шлойме (рослому мужчине, который тогда, на стане, одернул не в меру расходившегося одессита) и попросил его по-быстрому созвать к нему колхозников из тех, на кого он, председатель, всегда может положиться: Пейсаховича, Завла Лифшица, бригадира полевода, Бузи, двух трактористов (один из которых смуглый, коротко стриженный паренек, похожий на цыгана, накануне отдавал дочке Йойны рубаху выстирать). В числе прочих Партман попросил конюха пригласить на разговор одессита и быть на совете самому посылному. Когда чуть ли не через час, как все уже были в сборе, к дому председателя неспешной походкой «подтянулся» и одессит. Все пришедшие разместились в передней на длинной скамье вдоль стены, только наш «черноморец» занял единственный в комнате стул и, небрежно закинув ногу за ногу, обвел присутствующих пренебрежительно-вопросительным взглядом: об чем-де тут ваше толковище будет, граждане?

– И сколько же нам надо было тебя ждать, уважаемый? – первым заговорил Партман.
– Или еще целый час?

– Спал я... Чего тут? А как выспался, так сразу и пришел. И о чем, мне очень это интересно, еще желает узнать гражданин начальник? – с усмешкой глядя в упор на Партмана, отвечал на его вопрос одессит.

– А вот скажи-ка нам, парень, начистоту – ты видишь, тут все свои, – чем ты недоволен, какие у тебя к нам требования и чего ты хочешь?

– Я-то?.. А покурить сейчас хочу. Дашь папироску? Хотя нет. У меня вроде и свои есть. Могу угостить, – разминая в пальцах папиросу, с издевкой заявляет председателю одессит.

Партман, не ожидавший такого продолжения разговора, вскакивает с места со сжатыми кулаками, кажется, готовый наброситься на наглеца, с хрипом выдавливает из себя что-то неразборчивое.

– Ты небось думаешь, мы тут шутки шутить с тобой будем? – пытается укоротить одессита Бузи. – Угомонись ты уже! Или ты надеешься, что здесь с тобой и дальше будут... «церемонничать»? – и, возвысив голос до крика, с угрозой чеканит: – Тебя последний раз спрашивают: «Чего ты от нас хочешь?».

Одессит, кажется, осознав, что положение складывается не в его пользу, вскакивает со стула, с кривой ухмылкой отвешивает собравшимся шутовской поклон и делает широкий шаг к выходу. Но именно в эти секунды в дверях неожиданно вырастает Йойна Либес и, сам того не желая, преграждает одесситу дорогу. По расстроенному – нет, скорее, сердитому – выражению лица Йойны можно легко понять, что он еще не отошел от скандальной стычки с сыном, и когда его – пусть и непреднамеренно – буквально отбросил с порога «встречный» одессит, Либес, в свою очередь, шагнул к нему со словами «Ты что, сопляк, поиграться со мной решил?!» и, утвердившись на выходе, не дал одесситу беспрепятственно выскользнуть на крыльцо. Тот на какое-то мгновение даже растерялся от этого, но только на мгновение. И вот уже в падении больно ударившись головой о косяк, сбитый с ног Йойна лежит в дверях на спине. Все с криками вскакивают со своих мест, скамейка с грохотом опрокидывается, начинается суматоха. Люди, толкаясь в проходе, покидают «зал» так и не состоявшегося собрания. А одессит, сообразив, что дело принимает совсем уж нежелательный для него оборот, обещая всех тут порешить, с треском выламывает из изгороди жердину...

Весть о том, что одессита препроводили на заставу, быстро облетела колхоз. И как это всегда бывает в таких случаях, от людей приходится слышать разное: одни утверждают, что этот парень из Одессы такой, что хуже некуда, и заслуживает за свои выходки самого сурового наказания, другие высказывать свое мнение о скандальном случае с одесситом воздерживаются: дескать, не нам тут судить – нехай с ним господь бог разбирается. А под вечер у председательского дома опять собрались люди, на этот раз – уже все колхозники. На никем не объявленное собрание не явился только Либес. Кто-то сказал, что Йойна с разбитой головой теперь и с постели подняться не может, хотя на самом-то деле он в это время разыскивал одну из своих лошадей, оставленных им накануне неподалеку от сенокосного стана.

...Первым слово перед собравшимися берет Лифшиц. Говорит он хотя и громко, но, как всегда, сильно шепелявит и слова вылетают у него изо рта вместе с брызгами слюны:

– Товарищи, товарищи, ну что тут говорить и о чем я вам сейчас хочу сказать? Если человек работает и хорошо работает, ему таки надо кушать, и кушать тоже хорошо. Так что нам надо будет думать насчет заколоть или бычка, или чушку... Ну вот что мне делать, если я есть хочу? Я человек, который любит работу, а без еды я, вы сами понимаете, работник буду совсем никакой.

– Кто еще хочет что-то сказать? У кого еще будут какие предложения? – с натужным хрипом выдавливая из себя Партман. – Вы учтите и то, что в это время года народ в селах всегда неважно питается. Хоть где. И в нашем колхозе оно тоже так. У меня и у самого на столе... (тут Партман закашлялся).

– ...огурцы с хлебом, – кто-то закончил за него фразу.

– Ну да, а на следующий день – хлеб с огурцами, – продолжил председатель, – и, помолчав, добавил уже серьезно: – А что, разве не все переселенцы, можно сказать, так целый первый год жизни в Биро-Биджане питались?

Люди стоят молча, и каждый по-своему осмысливает прозвучавшее с «трибуны», то есть с крыльца председательского дома. Кто-то задумчиво роет носком сапога песок под ногами, кто-то грызет семечки. Между тем уже смеркается, и сквозь зелень деревьев видно, как на противоположном берегу Амура высвечиваются редкие точки огоньков, а с восточной стороны горизонта, словно извещая о неизбежном уходе беспокойного дня, наплывают густеющие сумерки.

Здесь, на улице, в тени домов и деревьев, стемнело уже совсем, и в вечернем сумраке хорошо видны разве что только лица стоящих, которые сейчас кажутся скоплением бледных пятен. Судя по всему, настроение у людей, что называется, не из лучших, и причины для этого у них имеются. Партман, однако, никому здесь сочувствовать не собирается. Он, в недавнем прошлом человек военный, твердо усвоил суровый принцип, которым должен руководствоваться командир: «Чем больше ты будешь жалеть подчиненных, тем опасней окажется для них враг». Его собственный комполка в обиходе истолковывал это правило проще и несколько иначе: «Сегодня ты пожалел подчиненных, подумай о том, кто завтра пожалеет тебя». Нет, сельхозартель, разумеется, не воинское подразделение, но труд он везде и всюду только труд, иначе – постоянное преодоление препятствий и сопротивление неблагоприятным обстоятельствам. «Не можешь – научим, не хочешь – заставим»... Хорошо помнит Партман и такую сержантскую заповедь. Но сейчас он хотел бы сказать своим колхозникам только одно: никто, кроме них самих, не сможет, не сумеет и не захочет построить на этой земле достойную человеческую жизнь.

Рисунок Владислава Цана

Слово берет Бузи и, словно продолжая мысль председателя, говорит:

– Со стороны может показаться, что мы тут агитируем вас работать. Нет! Я одного только хочу, товарищи наши дорогие. Вот стоим мы сейчас тут все вместе: я, товарищ Партман, Шлойме, Рувим... Все – колхозники. Кем мы были раньше, я даже знать не хочу. А теперь мы – коллектив. И вот так же, как сейчас мы тут все вместе стоим, мы должны и в желаниях наших тоже вместе быть.

– Верно говорит парень, – отзывается мужской голос из темноты. – Кто мы были? Босая команда. И каждый сам по себе жил.

– Так! – подхватывает эти слова Бузи. – А теперь у нас дело одно, общее. Или кто-то хочет тут со мной поспорить?

Все молчат и спорить никто не хочет. В сгустившейся темноте слышны лишь дыхание людей и едва различимый ухом шорох летучих мышей, что безбоязненно носятся над самыми головами стоящих. Хотя если вслушаться в ночь, легкий ветерок с того берега Амура временами доносит до слуха лай собак и не то протяжное пение на чужом языке, не то чей-то жалобный плач.

– А теперь давайте уже расходиться, – нарушил долгое общее молчание Бузи. – Ну что мы с вами решили? Ведь если сено – ваше же сено! – сгниет, вам своих же коров кормить будет нечем. Так или не так? А мы, значит, вместо того, чтобы самих же себя от такой беды спасти, ничего другого, кроме как бунтовать, не придумали. Или кто-то тут забыл слова «Кто не работает, тому и кушать нечего»?

– Да никто бунтовать больше не будет!

– Работать будем, только как же...

– А шо, кто-то тут всерьез думал бастовать?

– Да только что наш Амурзет будет кушать?! – громче всех прозвучал вопрос из «аудитории».

«И таки да! Что наш Амурзет кушать будет?», «Или мы тут до самого вчера эту землю потом своим не поливали?», «Как хочешь, так и живи...», «Ой, да хватит уже шуметь!», – опять зашумело собрание.

Между тем на потемневшее до черноты небо высыпали все его звезды, от реки потянуло сырой прохладой. Партман дал знак Бузи: мол, довольно уже тут дебаты разводить – завтра вставать рано...

Наутро Партман спокойно, как ни в чем не бывало, отправил всех на сенокос. Правда, за исключением Бузи.

– Слушай сюда, – сказал он ему. – На заставе мне обещали пару телег рыбы. Только на подводе сейчас через залив уже точно не проедешь. Так что бери лодку и гони к пограничникам. Только смотри, чтоб там по тебе стрельбу не открыли.

Когда Бузи ушел к реке, Партман отправился на сенокос. Там, скинув с головы фуражку и стянув в себя гимнастерку, присоединился к работающим. Поигрывая мускулатурой, Иосиф взял в руки вилы и, подхватив ими чуть ли не с полкопны, ловко забросил сено на самую верхушку стога. Стоявший рядом конюх Шлоймэ только языком прищелкнул:

– Вот это да! Глядя на такое, прямо запеть хочется. А давайте, черт бы все побрал, и споем! Раз-два...

И люди – дружно, в несколько голосов – действительно повели мелодию всем хорошо здесь знакомой разухабистой песенки о веселом парне – местечковом ковале Йосэлэ.

Полуденное июльское солнце нещадно палит округу, удушливым зноем дышит земля. Но кто скажет, что это не самое лучшее время для заготовки сена? **8**

Несколько суток отсидевший взаперти и вдосталь надышавшийся запахами чеснока и опиума от нескольких китайцев, задержанных при переходе ими границы, наш лихой одессит предстал перед начальником заставы.

Начальник, широкоплечий русоволосый мужчина лет тридцати пяти, сидел за столом и всем своим видом напоминал, скорее, не военного человека, а обычного служащего какой-нибудь конторы. Точнее сказать, напоминал одесситу, который как-то иначе представлял себе начальника пограничной заставы. Только ремень через плечо, поддерживающий тяжелую кобуру револьвера на боку да гимнастерка с зелеными петлицами на вороте и знаками различия на них свидетельствовали о принадлежности их обладателя к числу людей военных. На лице начальника – выражение спокойной уверенности.

– Это ты, как я понимаю, был зачинщиком бунта в еврейском колхозе? – в упор глядя на одессита, задает ему вопрос начзаставы.

– Шо вы называете этим интересным словом «бунт»? – вымученно улыбается одессит, хотя при другом слове – «зачинщик» – ему становится не по себе: присмирившему сейчас буяну и во сне не снилось, что его переезд в Биро-Биджан может свободно обернуться, например, арестом и тюрьмой. – Что, они там уже таки бунтуют?

Начальник окидывает задержанного изучающим взглядом: его мускулистые руки, волосатую, сплошь в татуировках грудь под порванной тельняшкой и думает: «Вот же, черт возьми! Парень здоров как бык. Ему бы теперь самое место в новом колхозе. Там как раз время жатвы подходит... Каждая пара рук на вес золота, а этот...».

– Ты отвечай на вопрос, когда тебе его задают. Понятно?

Одессит молчит. В голове у него бьются тревожные мысли: как-то не думалось ему, что все обернется для него вот так...

В дверях показывается боец с винтовкой за спиной:

– Разрешите обратиться? Тут начальника спрашивают.

Через минуту в комнате появляется Бузи.

Запросто, как со старым знакомым, поздоровавшись с начальником заставы, Бузи передает ему записку («Это вам от товарища Партмана»).

– Иди к заведующему складом. Он знает. Сколько надо, выдаст, – коротко распорядился начальник.

Одессит, переминаясь с ноги на ногу, так и стоит перед столом, кажется, уже окончательно осознав безнадежность собственного положения. Начальник заставы определенно дал ему это понять.

Из окна хорошо виден широкий плац и марширующая по нему группа красноармейцев, дальше, за верхушками низкого ивняка взгляду открывается широкий, залитый утренним солнцем Амур. Одессит сжимает кулаки: здесь, на пограничной заставе, все, что было им пережито с начала нынешнего лета, – долгая дорога в Биро-Биджан, встреча с еврейским колхозом, жаркие дни на сенокосном лугу – все это вдруг стало для него прошлым. Прошлым на свободе.

9

Лошадь свою Йойна найти так и не смог. То ли в тот злополучный день колхозного «бунта» он в спешке забыл ее спутать, то ли пегий сам порвал путы, только все блуждания Либеса по окрестности оказались напрасными. А ведь он тогда не послушал полевого бригадира и не стал отпускать лошадей прямо там, где освободил их от упряжи. Нет, он привел лошадей на стан, задал им по доброй порции овса и только тогда отпустил... Но вот куда потом подевался Пегаш, поди знай. Рувим Пейсахович успокаивал Йойну: да отыщется, дескать, лошадка твоя, небось где-нибудь поблизости и пасется. Только разве увидишь ее в такой траве? «И какой черт увел этого пегого от самого стана? – ругается про себя Либес, не прекращая поиски даже ночью. – Добро еще, ночи стоят светлые, – хоть горох собирай». Они с Рувимом бродили по равнине, разойдясь, время от времени даже теряли друг друга в высокой траве и вынуждены были перекликаться, как где-нибудь в густом лесу. В табор они возвращались до нитки мокрые от росы, будто только что из воды выбрались, и буквально с ног валились от усталости. А вот пегий, тот точно как в воду канул... Они уже и в соседнем, корейском, колхозе побывали, и на рисовых плантациях (тоже не ближний свет) людей про лошадь расспрашивали – нет, никто ничего и никого не встречал, не видел...

Как-то, уже на исходе дня, страшно уставший от напрасных блужданий по бездорожью Либес набрел на извилистый ручеек, вытекающий откуда-то из-под

обомшелых камней. Ах, какой же вкусной кажется ключевая водица измотанному жарой путнику! Умывшись и утолив жажду, Йойна присаживается в тени раскидистого дуба, привалившись спиной к шероховатому стволу дерева. Нет, разве не высшей наградой для утомленного человека может быть что-то иное, нежели – пусть даже минуты – полного покоя и отдыха! Вот если бы еще и отдых для него, Йойны Либеса, был сейчас заслуженным и оправданным достигнутой целью! Так нет же!

«Ну и как мне опять – уже в который раз! – возвращаться в колхоз без лошади? – все больше впадая в отчаяние, размышляет Йойна, – Как смотреть в глаза Партману? И не только ему, а и собственному сыну Цальке, который с того разу до сих пор смотрит на него как на какого-нибудь чужого дядьку? Ну прямо хоть волком вой! И что, что тут можно придумать? А ведь тебе, хавер Либес, люди доверяли. Как человеку серьезному и хозяйственному доверяли... А он-то... Вэй из мир, готэню!..»

Работа на лугу была в самом разгаре, когда Партман увидел медленно подходившего к стогу со стороны стана Либеса. Переброшенная через плечо Йойны уздечка более чем красноречиво свидетельствовала об исходе его очередного «рейда» по окрестностям. С досадой отбросив от себя вилы с только что насаженной на них солидной порцией сена, Партман сердито прохрипел:

– Этого нам только и не хватало!

Не доходя до стога, Йойна устало опустился на кучку сена. На осунувшемся и даже постаревшем лице Либеса – печать растерянности. В памяти Партмана на какое-то мгновение возник совсем другой Либес – человек, который тогда не побоялся встать на пути того распоясавшегося хулигана из Одессы. Но сейчас Партману не до сочувствия незадачливому «коневоду»: надо же так – не успели избыть одну беду, и вот вам еще одна. Рувим говорил, что они с Либесом в поисках того жеребчика все уголки обшарили, да только, выходит, зря. Ну а виновный в потере лошади... Да на него сейчас прямо смотреть жалко. Но что делать, что делать?.. Одно и остается колхозному председателю – опять на заставу идти. Ведь граница – вот она. И разве не может случиться так, что колхозная лошадка оказалась – ну а вдруг! – где-нибудь на ближнем китайском островке? И Партман верховым отправляется за содействием к начальнику заставы.

На сей раз начальник встретил председателя еврейского колхоза, мягко говоря, не очень любезно:

– И что ты опять от меня хочешь? Я должен с вами нянчиться что ли? Или у меня никакой другой работы здесь нет? – поднялся он из-за стола, наполовину застеленного картой, и, привычным движением расправив под ремнем гимнастерку, подошел к распахнутому окну, помолчал и, повернувшись к Партману, негромко, с расстановкой, заговорил:

– Я не понимаю, что у вас там вообще делается. Доброго хозяина что ли нет? Недавно еду я, вижу колхозника из твоих. Трава у него на телеге. Лошадь стоит, а он зашел спереди, держит ее и дубасит, и дубасит ее вот такенным дрыном. Пришлось мне этого дурака проработать, уму-разуму его поучить. Короче, вижу, или ты, брат, со своими людьми слабовато работаешь, или народ в вашем колхозе уж такой тяжелый, – заключил начальник и тут же вызвал к себе дежурного.

Через несколько минут тот уже инструктировал двух бойцов, стоявших перед ним навытяжку. У обоих красноармейцев – шинельные скатки через плечо, трехлинейки за спиной. Поставленное перед ними задание им понятно, не выполнив его, на заставу они не возвратятся. Таков приказ. Вскоре оба бойца – в седле, с места трогают коней крупной рысью. За воротами заставы стук копыт уже не слышен.

От души поблагодарив начальника заставы, Партман идет к коновязи.

10

Когда Бузи гнал свою лодку к погранзаставе, ему прямо запеть хотелось: плыть по течению – дело в самый раз для лодырей. Сиди себе и только слегка веслами шевели – вода сама тебя несет. А вот выгребать на той же лодке, заметно осевшей под грузом, да еще против течения – работа не для слабаков. К тому же и Партман не просто так ему, Бузи, сказал: смотри, мол, чтоб там по тебе еще и стрелять не начали... Только все это для него сейчас, конечно же, не самое главное и, не без усилий налегая на весла, Бузи думает о серьезности и ответственности порученного ему дела: он ведь теперь не кто-нибудь, а комсомолец. Это во-первых. А во-вторых... Повариха Хая прямо расцелует его, получив вместе с рыбой возможность досыта накормить косарей. Золотые руки у женщины! Она, правда, тоже вместе со всеми бунтовала, но не из-за плохой кормежки, а оттого что ей нормальную еду стало не из чего готовить.

Загрузившись на заставе рыбой, Бузи отчалил от берега уже за полночь. Солнце палило всюду, и хотя на воде жара ощущается не так сильно, пот с гребца лился ручьями. С полчаса поработав веслами, Бузи повернул к берегу: надо же хотя б немного отдышаться. В это время с противоположного берега, рассыпав рябь по воде и разбудив дремавшую листву деревьев на ближнем острове, подул ветерок. Правда, воздух от этого ни прохладнее, ни свежее не стал, хотя все вокруг в эти минуты начало быстро меняться. Откуда-то со стороны сопки на один краешек неба набежали клубочки облаков. Они на глазах увеличивались, опускаясь все ниже, темнели, а вслед за ними, сплошь застилая бледную голубизну неба, надвинулась тяжелая, в неровных белесых пятнах, туча. Солнце все чаще ныряло в облака, пока где-то там не погасло совсем, и от этого, кажется, всю землю и воду накрыла мрачная мгла... Нет, Бузи никак не ожидал такого и, уже направив лодку к берегу, не мог решить – то ли уже не останавливаться и, собрав последние силы, все же продолжать грести против течения, то ли причалить вон к тем мотающимся под порывами ветра кустам. Тут прямо перед глазами Бузи вспыхнула, прочертив ослепительный зигзаг, молния, и через какое-то мгновение парень буквально оглох от расколовшего небо и землю громового удара. Через секунду лодка оказалась в плотной пелене проливного дождя, и Бузи уже не мог разглядеть вокруг ничего кроме воды, кипящей под струями сумасшедшего ливня. Между тем, беспорядочно меняя направление, усиливался ветер, в какой-то момент Бузи понял, что течением его сносит на быстрину, и увидел, как через один борт перегруженной лодки начала захлестывать вода. «Ведь так лодка перевернется!..» – обожгла Бузи ужасная мысль.

Амур не щадит тех, кто не знает его сурового нрава, Амур проглотит, погубит того, кто посмеет обойтись с ним легкомысленно или небрежно. Изначально враждебный человеку черный дракон полноправный хозяин этой реки...

Бузи в отчаянии. Он осознает собственное бессилие и беспомощность перед лицом дикой стихии. Он готов сейчас кричать, плакать, звать на помощь... Да только кто его, скажите, услышит? Нет, надо собраться с силами, надо взять себя в руки, иначе... «Без паники! Только без паники! Не перевернуть лодку!» – твердит он самому себе. Работать веслами сейчас бессмысленно – все решают ветер и вода. Бузи перестает грести. Лодку надо непременно освободить от лишнего груза, и тогда она перестанет черпать воду бортом. Лишний груз – это сам Бузи. Он поспешно разувается, стягивает с себя плотно облепившую тело рубаху и, держась за веревку, один конец которой закреплен за нос лодки, соскальзывает в воду. При частых вспышках молний можно рассмотреть наш берег. Надо грести туда, к нему. Одной рукой? Нет, можно же подпоясаться «своим» концом веревки и изо всех сил работать уже обеими руками. Берег стал уходить назад как

будто медленней... Снова переменял направление ветер или ослабло течение? Держись, Бузи, держись!.. Только без паники!..

Рисунок Владислава Цапа

...Начальник заставы возвращался с контрольного объезда западного участка границы, когда все вокруг потемнело, и еще до того, как по взлохмаченным ветром кустам и травам ударили тугие струи дождя, поблизости чиркнула землю молния и над рекой со страшным треском раскатился гром. Мельком глянув на часы, начальник перевел лошадь с шага на крупную рысь: лучше всего укрыться от грозы под крышей собственного дома. Но тут же, как будто спохватившись, всадник резко потянул повод на себя. Этот паренек из еврейского колхоза сейчас на своей лодке точно где-то поблизости. А в такую грозу оказаться на открытой воде даже местный рыбак сочтет для себя опасным. Не сориентировался и, попав на стремнину, помимо воли станешь нарушителем границы. А там, за этой чертой – неизвестность. Развернув коня, начальник пускает его в галоп...

Сквозь серую стену дождя пограничник увидел полуголого человека, который пытался вытащить на берег лодку. «Ну молодчина, парень!» – мысленно похвалил Бузи начальник заставы.

11

Двух красноармейцев, отправленных с заданием разыскать колхозную лошадь, удар стихии застал уже после того, как они, вдоль и поперек объездив пойму в районе своей заставы, снова выехали к Амуру: бойцам оставалось осмотреть только один, уже последний, участок пограничной полосы, где берег буквально утопал в зарослях краснотала. Минута – и в грохоте и обвальном шуме грозового ливня утонуло все вокруг. Вот уже режут сумрак ослепительные высверки молний, и, кажется, от треска и раскатов грома вздрагивает сама земля. Всадники останавливают лошадей, спешиваются, надевают шинели. Выполнять задание они непременно продолжают, но грозу следует переждать. Оба хорошо знают: чем сильнее дождь, тем скорей он проходит. Да, это так и есть, и не более чем через полчаса вспышки молний становятся реже, как будто все дальше откатываются удары грома, заметно улучшается обзор прилегающей местности. Но вот снова где-то неподалеку полыхнула молния, и в ее неверном свете одному из бойцов показалось – может быть, просто показалось? – что метрах в двухстах от них, там, где возвышенный берег заметно выдается к середине реки, мелькнул силуэт лошади. Немедленно туда! Но как проехать прямо, если на месте небольшого ручья, впадающего здесь в Амур, сейчас плещется широкий разлив? Его надо объехать. Как можно быстрее. Вскочив на лошадей,

бойцы по полному бездорожью пускают их с места в галоп. По лицам всадников нещадно бьют ветки деревьев, хлещет холодный дождь. В неверном свете молний через путаницу кустов трудно рассмотреть, что там впереди и где сужается этот залив. То и дело приходится останавливаться, чтобы присмотреться, сориентироваться. Нехоженный левый берег Амура в такую непогоду да еще и в пору паводков – не лучшее место на этой земле...

Объехав наконец-то залив, пограничники сворачивают обратно к реке. Гроза как будто начала стихать, вокруг посветлело, можно поторопиться. Эх, если бы не этот ливень не ко времени! Когда лошади вынесли бойцов к реке, они поняли, что опоздали: в двух-трех десятках метров от берега пограничники видят над водой голову плывущей лошади и держащегося за ее гриву человека. Нарушитель! С криком «Стой! Стрелять буду!» один из пограничников, на ходу сорвав с плеча винтовку, ни секунды не раздумывая, направляет коня в воду: догнать гада! А стрелять? Нет, стрелять нельзя – можно свободно угодить по лошади. Вперед! Покинув седло, красноармеец уже плывет рядом со своим гнедым. Эх, надо было сбросить шинель... И снять сапоги... Не выпустить бы из руки винтовку... Срывает с себя шинель и разувается там, на берегу, товарищ преследователя: надо спешить другу на выручку... Теряя силы, тот уже зовет на помощь. Успеть!.. Но как, как успеть?!. Когда размашистыми саженками раздетый боец выплыл на середину протоки, было уже поздно: там, где над водой только что виднелись головы лошади и человека, кружил хлопьями пены водоворот...

12

Уже под вечер пограничник, не заезжая на заставу, привел в колхозную конюшню лошадь Либеса. Нарушитель все же опасался преследования и, как видно, будучи в отличие от лошадей хорошим пловцом, оставил пегого на середине протоки. Ну а лошадка, понятно, тут же повернула к «своему» берегу.

Хотя красноармеец, возвращая колхозу похищенную лошадь, и словом не обмолвился о гибели товарища, через полчаса в поселке уже знали о происшедшем. Мрачную весть принес в Амурзет только что вернувшийся с заставы Бузи. Партман, первым услышавший горькую новость, тут же оседлал коня и поскакал на заставу.

...Чтобы отдать последний долг ушедшему из жизни бойцу-пограничнику, на его похороны евреи пришли всем колхозом. Гроб, обитый красным кумачом, на середину плаца вынесли четыре человека, в числе которых были Иосиф Партман и Йойна Либес. Бузи организовал молодежную команду провожающих, раздобыв для каждого из десяти парней ружья. Одно ружье оказалось даже лишним и было вручено Либесу. А до этого ему же было предложено стоять у гроба в почетном карауле. Надо ли объяснять, какие чувства владели Йойной, когда он стоял в карауле? Ведь он, конечно же, – и с особой остротой – чувствовал в эти минуты собственную вину в гибели красноармейца. Не знал он и что делать с ружьем, которое дал ему Бузи, – первый раз в жизни держал он в руках подобную вещь. Лишь тогда, когда заиграл духовой оркестр и все двинулись к воротам заставы, Либес увидел, что все, у кого были ружья и винтовки, положили их на плечо. То же сделал и Йойна.

Рисунок Владислава Цана

(Покинув территорию заставы, похоронная процессия двигалась по дороге в полной тишине. Люди в колонне, как и идущие в ее голове пограничники, старались шагать в ногу, а винтовочные штыки и ружейные стволы, поблескивающие над головами людей, придавали картине особенный колорит: наверное, каждый именно сейчас вольно или невольно вспомнил и почувствовал, что рядом, совсем рядом, проходит здесь государственная граница. А по обеим сторонам дороги, покачиваясь под легким ветерком, клонились к земле тяжелые колосья пшеницы. Колхозная нива ждет, когда придут к ней люди, когда загудят на ней моторы машин.

На выезде из Амурзета процессию провожающих пограничника в последний путь ожидает грузовик. Гроб с телом покойного и сопровождающими его несколькими военными и колхозниками он доставит на усадьбу зерносовхоза, в центре которой находится братская могила. В ней покоятся бойцы, погибшие в двадцать девятом в схватках с белокитайцами. По пути грузовик встретят и будут его сопровождать корейские колхозники, жители села Благословенного. Потом в центре же совхозного поселка состоится траурный митинг, среди участников которого будут евреи и русские, немцы и корейцы, украинцы и китайцы.

Время жатвы на селе неспроста называют по-русски словом «страда». Уборка хлебов – это напряженный коллективный труд людей от восхода до заката. Так что очень кстати на помощь амурзетским колхозникам начальник пограничной заставы отрядил группу из десятка бойцов. Результативной работе на колхозных полях пока что благоприятствует и погода.

...После обеда Йойна присел отдохнуть, привалившись спиной к скирде. Его примеру последовал и полевой бригадир. Вытянув из кармана расшитый кисет, он высыпал на бумажку добрую щепоть самосада, свернул сигарку и, пыхнув дымом, заговорил. Просто так заговорил, ни о чем. Как поступает человек, когда хочет разговор начать:

– Да, вот такие, брат, дела...

Помолчал, щурясь на солнце, и продолжил уже вопросом:

– А ты, значит, сюда к нам из самой Расеи приехал? А из каких же краев? Держава-то ить наша на полсвета как раз. А еще что я слыхал? Ваши вроде как из самого Ерусалима будут. Так али нет?

Йойна с ответом не спешит. Да и нет у него сейчас особой охоты говорить. Все как-то не выходит у него из головы картина недавних похорон, и не может он отрешиться от

ощущения собственной причастности к происшедшему. А что можно сказать бригадиру? Он и без того знает, что люди, наши люди, издалека. Нет, не из Иерусалима, конечно же. Но где-то в неизвестных и самому Йойне Либесу краях, верно, живут и дальние его родственники. Есть у него родня и там, откуда он сам только недавно приехал. Может быть, кто-нибудь из этой родни тоже решит сюда на Амур перебраться. Надо бы им написать... Ну да посмотрим – увидим, что да как...

– А я вот все думаю, много ли народу, значит, из ваших-то, к нам сюда на Амур поехать насмелятся? – словно прочитав мысли Йойны, продолжает бригадир. – Дикие ж края тут у нас. Прежде-то мы как тут жили? Охота, рыбалка, контрабанда... Водка... Это уж всегда. Да и народ у нас, прямо скажу, суровый. Так...

Полевод помолчал, задумавшись, опять пару раз затянулся табачным дымом и, повернув лицо к Йойне, продолжил разговор вопросом:

– Вот ты сам-то, скажи мне, почто сюда перебрался?

Из всех вопросов, что бригадир успел в эти минуты задать Либесу, последний оказался для него самым трудным. Он, Йойна, и сам не раз задавался этим вопросом. Задавался и, признаться, не мог найти ясного ответа. То, что он, как и многие другие жители местечек, ехал в Биро-Биджан с надеждой на лучшую жизнь, это, верно же, любой-каждый поймет. Что касается лично его, Либеса, то он чаще всего представлял себя в своем «дальневосточном» будущем в образе крепкого хозяина, во владении которого дом с большим огородом, корова, пара свиней, птица тоже... Но, если с другой стороны посмотреть, неужто надо было ехать в такую даль, чтобы бросить места, где ты родился и рос, чтобы обзавестись коровой да свиней заиметь? Разумеется, дороже и милее того места на земле, где человек на свет появился, где он вырос и повзрослел, для него и быть не может, это так. Ну а вот если от рождения жил этот человек в холоде да в голоде, а повзрослев, так и не мог выбиться из лютой нужды, то какова она, цена той неласковой родине? Говоря иначе, Либес так и не сумел ответить себе со всей определенностью, зачем, почему и по какой причине он однажды решился поехать на Дальний этот Восток. «Нет, – подчас размышлял Йойна, – никак не может быть такого, чтобы только огурцы в огороде да поросята в сараюшке определяли намерения и поступки такого человека, как, например, я. Нет-нет, здесь что-то другое. Только что?».

Скажите, кому из нас не пришлось что-то отвергнуть, чем-то поступиться или чего-то пожелать, чтобы, в конце концов, получить то, что мы имеем сегодня?

...Над полями горит яркое летнее солнце. Вот поблизости, нарушив тишину, зарокотал и тронулся с места трактор со жнейкой, и вслед за нею широким полотнищем выстлались по стерне – колос к колосу – стебли зрелой пшеницы. Страда на колхозных полях. Йойна и бригадир-полевод встают и расходятся каждый по своим делам. А дел у них впереди столько, что с избытком хватит на сегодня, на завтра и на целую жизнь...

Перевод с идиша: Валерий Фоменко